

Лавренов С. Э.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ ПРОТЕСТАНТСКОГО СООБЩЕСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/36.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 113-116. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Много места в путевых описаниях Миллер отводил сведениям о сезонных миграциях коренного населения, связанных с охотничьим промыслом. Существует подробное повествование о маршрутах этих переходов.

В работах Миллера имеются многочисленные описания святилищ тюрков Красноярского уезда, селькупов, хантов и манси, а также обрядов жертвоприношений, совершавшихся у этих святилищ. Эти сведения исторически значимы, поскольку святилища были разрушены при христианизации хантов, манси и селькупов в середине XVIII в.

В 1750 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Миллера "Описание Сибирского царства", а в "Ежемесячных сочинениях", первом в России научно - популярном журнале, регулярно появлялись статьи Миллера по сибирской истории.

Анализ описаний уездов и путевых записей Г. Ф. Миллера показывает, что содержащиеся в них материалы являются ценным источником не только по истории освоения Сибири русскими, но и по истории и этнографии коренного населения Сибири. Исследования Миллера дают самый разный материал о расселении и этнической принадлежности коренных жителей Сибири в первой половине XVIII в. Эти данные, а так же сведения о миграциях коренного населения, аборигенной топонимике, археологических памятниках и культовых местах имеют огромное значение для решения многих актуальных проблем этногенеза, политической и социально-экономической истории, духовной жизни сибирских народов. Однако, Миллер рассматривал этнографию не как отдельную науку, а в тесной связи с историей и определял основной метод этнографической науки как сравнительно-исторический [Мирзоев 1970: 70].

Список литературы

Миллер Г. Ф. История Сибири. - М., 1990. - Т. 1.

Мирзоев В. Г. Историография Сибири. - М., 1970.

Эллерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. - Новосибирск, 1990.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ ПРОТЕСТАНТСКОГО СООБЩЕСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Лавренов С. Э.

Русская Христианская гуманитарная академия

В условиях продолжающейся социальной и политической трансформации российского общества большое значение имеет качество социальных институтов. Одним из фундаментальных социальных институтов является свобода совести, нормальное функционирование которого позволяет гражданам наиболее полно реализовывать свои мировоззренческие подходы в личной и общественной сферах жизни.

Развитие данного социального института в России происходит крайне драматично. В целом можно утверждать, что и в царский, и в советский периоды свобода совести в России отсутствовала, а вместо нее с большими проблемами функционировал принцип веротерпимости, да и о лишь в отношении отдельных конфессиональных групп, выделяемых государством по степени их подчиненности государственному аппарату и политико-идеологической целесообразности.

Лишь в 1990-е гг. в России были заложены политико-правовые основания для институализации в общественной и политической жизни свободы совести. Основание этому стали соответствующие статья Конституции и федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях». В результате свобода совести в Российской Федерации декларативно стала определяться как совокупность ряда принципов:

1. Право каждого человека иметь право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает в свободу иметь или принимать религию и убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений.

2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежат лишь ограничениям, установленным законом и необходимостью охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

4. Уважение свободы родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии с собственными убеждениями.

По мнению экспертов, в современной России конституционные гарантии свободы совести являются достаточными. Сейчас можно констатировать, что в нашей стране свобода вероисповедания (индивидуальный религиозный выбор, индивидуальные молитвенные практики и т.п.) обеспечены достаточно полно. Подтвержденных сведений о преследовании отдельных верующих, о дискриминации по религиозному признаку на рынке труда и т.д. нет. Неизвестно о каких-либо преследованиях из-за перемены верующими своей рели-

гиозной идентификации или из-за отказа от религии вообще. Но в то же время российские и международные эксперты и правозащитники, считают, что нельзя сказать об отсутствии нарушений на публичную реализацию свободы совести, т.е. на создание и деятельность религиозных организаций, на проповедь, на обучение религии¹. Считается, что с точки зрения законности не может быть достаточным положение, когда власти работают на основе законодательства не соответствующего существующей ситуации и когда некоторые конституционные права не могут быть осуществлены². Надо отметить, что в российской политической практике несомненно до сих пор присутствует ситуация, когда вопреки конституционным и законодательным принципам используется понятие «традиционные религии», на основании которого отдельные конфессиональные группы, и в первую очередь Русской православной церкви, пользуются политическими и финансовыми преференциями со стороны органов власти.

Общая ситуация в сфере свободы совести может быть охарактеризована следующим образом³. Законодательная ситуация в целом соответствует общероссийской. Действовавший ранее областной закон «О миссионерской деятельности», который, как считали правозащитные организации, вводил чрезмерные ограничения на миссионерско-проповедническую деятельность⁴, ныне отменен. Ситуация с реализацией гражданами и конфессиональными группами прошла в Тюменской области определенную эволюцию. В 1990-е – начале 2000-х годов по причине, на наш взгляд ложного, соотнесения этнической и конфессиональной идентичностей и низкого уровня правовой культуры и религиозно-грамотности в деятельности региональных и муниципальных властей преобладали преференции РПЦ и духовным управлениям т.н. «традиционного ислама» и административного давления на «нетрадиционные религии», в первую очередь на протестантские деноминации. С середины 2000-х гг. происходит постепенное укоренение в региональной политике принципов верховенства права и светского государства, и недорпущения переноса межконфессиональных конфликтов в общественную и политическую сферу жизни Тюменской области. Случаям проявления религиозной ксенофобии или религиозного экстремизма дается принципиальная оценка. Позиция руководства Тюменской области в этом вопросе ясно выражена губернатором В.В. Якушевым: «Существует конституционное право каждого гражданина России на свободу совести. Люди своей волей должны решать, во что верить. И мешать им в этом выборе — значит, нарушать закон, это должно быть пресечено. И не важно, кто его нарушает — православный, мусульманин, католик — перед законом мы все — граждане своей страны»⁵.

Несомненно, что ситуация со свободой совести в Тюменской области далека от идеала. Руководство Тобольско-Тюменской епархии РПЦ пытается навязать обществу и властям свой взгляд на право граждан исповедовать религию, пытается публично третировать протестантские церкви как «сектантские» организации, организывает шельмование светской общественности, выступающей за светские принципы государственности⁶. Отдельные чиновники и администраторы, следуя, так сказать, российской традиции правового нигилизма, решают вопросы взаимодействия с религиозными организациями исходя из своих конфессиональных или атеистических предпочтений. Нечеткость идентичности у части населения области, так же приводит к тому, что религиозные предпочтения высказываются не по причине религиозной веры, а культурных или псевдопатриотических соображений. Сохраняется и недоверие части населения к религии вообще, это обостряется и попытками клерикализации общественной жизни со стороны РПЦ и их последователей в числе чиновничества и других администраторов⁷.

Деятельность самих религиозных организаций так же порождает ситуации, которые могут наносить вред современному пониманию принципов свободы совести. Анализируя проблемы межконфессиональной напряженности, необходимо учитывать, что в силу институционального характера религиозной интолерантности следует исключить в качестве признака ксенофобии сколь угодно резкие высказывания членов религиозных сообществ о вере и мировоззрении. Религиозная проповедь не может рассматриваться как социально предосудительная ксенофобия. Но это не означает, что нужно вывести из поля зрения любые негативные высказывания о других конфессиях или деноминациях. Вполне осуждаемыми необходимо считать такие

¹ Альтернативный доклад неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Международного пакта о гражданских и политических правах. 2003 год. // Права человека в России. - http://www.hro.org/docs/un-alt/un-alt_1.php.

² Вейтцель А. Выводы и замечания относительно прав человека, имеющих особое значение для демократического развития // Права человека в России. - <http://www.hro.org/docs/ilex/coe/d4.htm>.

³ Подробнее о ситуации со свободой совести в Тюменской области в начале XXI в. См.: Доклад о положении с правами человека в Тюменской области в 2002 г. // Московская Хельсинкская группа. - <http://mhg.ru/publications/2498E32>; Бобров И. В. Религиозные объединения, общество и власть: коллизии и поиск взаимодействия (на примере Тюменского региона начала XX в.) // Политические процессы в регионе: прошлое, настоящее, будущее: Труды кафедры политологии Тюменского государственного университета. - Тюмень, 2005. - Вып. 2; Его же. Реализация свободы совести в общественно-политической системе Тюменской области // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. - Екатеринбург, 2005; Агапов М. Г., Бобров И. В. Границы толерантности: анализ религиозной ситуации в Тюменской области // Вестник Удмуртского университета. - 2006. - № 7; Протестантизм в Тюменском крае: история и современность. - СПб., 2006. - С. 196 – 204.

⁴ Бурьянов С. А. Государственная политика Российской Федерации в сфере свободы совести на рубеже тысячелетий // Право и политика. - 2000. - № 1. - http://www.law-and-politics.cjm/paper.shtml?a=1_2000&o=333605.

⁵ Тюменцам объясняют, что такое экстремизм. - <http://www.tyumen.ru/news/?id=269813>.

⁶ См. Суrowягин С. Поговорим начистоту // Сибирская православная газета. - 2007. - № 5.

⁷ С. Несветов. Охота на ведьм? // Вечерняя Тюмень. - 2007. - № 12; Л. Иванов. К чему призывают пастыри? Вместо того чтобы убеждать словом, некоторые священнослужители пытаются организовать «крестовые походы» против инакомыслящих // Труд-7. Западная Сибирь. - 2007. - 22 марта; А. Ярков. Деликатная тема // Там же. - 2007. 1- 2 апреля; А. Ярков. К лицу ли замполиту ряса? Можно ли быть военным и патриотом, не являясь православным верующим? // Там же. - 2008. - 17 января.

высказывания, которые возбуждают вражду по отношению к другим конфессиям не из-за тех или иных положений вероучения, а из-за их происхождения, социальной практики, образа жизни; высказывания, которые прямо или в завуалированной форме призывают органы власти и общественность к дискриминации¹.

Несомненно, что на восприятие протестантским сообществом свободы совести оказывает определенное воздействие положение, которое они сами занимают в рамках данного социального института в Тюменской области.

Как уже отмечалось, наибольшее административное воздействие на протестантские общины наблюдалось в середине 1990-х гг. – в начале 2000-х гг. Протестантским церквям чинились препятствия при аренде зданий и помещений, зачастую требовали, чтобы согласие на проведение мероприятий протестантами санкционировал местный православный священник. Как заявил в беседе с сотрудниками «Независимого центра изучения современного общества» тогдашний начальник отдела по делам религий Комитета по делам национальностей Администрации Тюменской области А. Г. Градусов: в середине 1990-х гг. власти «гоняли библейские кружки»². Здания некоторых церквей подвергались нападениям хулиганов: разбивались окна, на стенах появлялись надписи «тоталитарная секта», «сатанисты»³.

В последнее время ситуация несколько изменилась. Благодаря социальной и правозащитной деятельности протестантских церквей и светской общественности региональные органы власти обратили внимание на социально позитивную роль протестантов и укрепили светский характер государственно-конфессиональных отношений.

Тем не менее, имеют место случаи, когда в поведении тех или иных чиновников явно прослеживается идеологическая или конфессиональная предвзятость. Весной 2007 года под давлением тюменского благочинного было фактически сорвано выступление проповедника Адвентистов седьмого дня в Тюменской театре кукол. В то же время светские власти постфактум указали руководству Тобольско-Тюменской епархии РПЦ на недопустимость силового воздействия на представителей других вероисповеданий и перенос межконфессиональных противоречий в общественную жизнь⁴.

Являясь весьма длительное время одной из дискриминируемых религиозных групп, протестантские церкви Тюменской области начали проводить линию не только на свою легитимацию в общественном сознании, но и на укоренение в общественной жизни региона социального института свободы совести. Во-первых, именно потребности в отстаивании свободы совести во многом способствовали появлению в Тюменской области протестантского сообщества не столько как научного или конфессионального конструкта, но и реальной общественной силы. Во многом именно указанная потребность стала одной из причин создания консультативного Союза христианских церквей, а позже консультативно-координационного Конгресса религиозных организаций Тюменской области, объединившего наравне с протестантскими организациями, два духовных управления мусульман и иудейскую общину региона (в ряде случаев в деятельности КРО ТО принимают участие и католики).

Во-вторых, потребности в отстаивании свободы совести привели к более или менее постоянному сотрудничеству протестантов с нерелигиозной, а то и атеистической общественностью областного центра.

В-третьих, лидеры протестантских, в первую очередь пятидесятнических, церквей вступили в прямой диалог с представителями муниципальных и региональных властей и ФСБ, донося до их представителей свою социальную, общественную и правовую позицию.

В-четвертых, протестантские церкви не только развернули широкую социальную работу, в рамках т.н. «трудового евангелизма», но и в определенной степени пропагандировали ее, показывая, что протестанты являются достойными, законопослушными и договороспособными членами российского общества и регионального социума.

В целом ситуацию с реализацией свободы совести в Тюменской области лидеры протестантских церквей оценивают следующим образом⁵.

- Вопиющие и систематические нарушения свободы совести в регионе отсутствуют.
- Проблемы, как правило, порождаются правовым и религиозным невежеством отдельных представителей правоохранительных и исполнительных органов региональной власти и местного самоуправления.
- Дестабилизацию в религиозной сфере вызывают среди прочего неграмотные и тенденциозные публикации в СМИ.
- Негативный общественный климат формируется в том числе предпочтениями, которые получает местная епархия РПЦ.

¹ Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. - М., 2002. - С. 225.

² Беседа с бывшим начальником Отдела по делам религий Комитета по делам национальностей Тюменской области Градусовым А. Г. от 6 марта 2006 г. // Архив Независимого центра изучения современного общества. - Тюмень.

³ Интервью с пресвитером церкви Адвентистов седьмого дня №1 г. Тюмени Муравьевым И. Б. от 3 декабря 2004 г. // Там же.

⁴ Подробнее о месте протестантских церквей в ситуации связанной с реализацией свободы совести в Тюменской области см. Бобров И. В. Религиозные объединения, общество и власть: коллизии и поиск взаимодействия (на примере Тюменского региона начала XX в.) // Политические процессы в регионе: прошлое, настоящее, будущее: Труды кафедры политологии Тюменского государственного университета. - Тюмень, 2005 - Вып. 2; Его же. Реализация свободы совести в общественно-политической системе Тюменской области // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. - Екатеринбург, 2005; Агапов М. Г., Бобров И. В. Границы толерантности: анализ религиозной ситуации в Тюменской области // Вестник Удмуртского университета. - 2006. - № 7; Протестантизм в Тюменском крае: история и современность. - СПб., 2006. - С. 187 – 204.

⁵ См. Протестантизм в Тюменском крае: история и современность. - С. 203 -204.

- Иногда существует практика обращения к православным священнослужителям для получения консультаций или же экспертных оценок деятельности других религиозных течений.
- Неблагоприятно сказывается на развитии религиозной ситуации дифференцированное отношение к религиям, деление их на «традиционные» и «нетрадиционные» и связанное с этим неравное отношение к потребностям и интересам российских граждан – последователей различных вероисповеданий.
- Наиболее губительной тенденцией видится ошибочное соотнесение понятий «русский» и «православный» (оно противоречит сущности и духу христианства – «нет ни эллина, ни иудея во Христе»), вообще этнизация религии (каждый народ якобы имеет свою традиционную религию). Такое понимание религии ставит под угрозу свободу совести, российскую идентичность и гражданский мир в России.

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО, ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лаврик В. П.

Технологический институт Южного федерального университета

В настоящее время Россия совершает реализацию инновационной модели экономики. Одной из актуальных задач, решение которой могло бы ответить на многочисленные вопросы, возникающие в связи со всеми неурядицами и «неуспехами» в России различных реформ, проводимых в последнее время, является проблема самоопределения, самосознания российским человеком самого себя. В настоящее время в социальном облике российского человека можно выделить несколько своеобразных черт: 1) сочетание передовой науки, искусства, литературы, элитарной культуры с отсталостью в области образования, общей культуры; 2) резкое социальное неравенство между бедными и богатыми; 3) политическая неграмотность масс и засилье чиновников, ввиду чего народ не может нормально, демократическими методами решать государственные дела, выбор власти и т.д.

Важной отличительной особенностью современного этапа развития постиндустриального общества является его все большая информатизация и как следствие, переход к новому типу социальной организации демократического общества – открытому информационному обществу. Революционные изменения в области информационно-коммуникационных технологий оказывают кардинальное влияние не только на экономическое, научно-техническое и культурное развитие общества, но и на изменения в развитии отдельной личности, ее морально-психологические и поведенческие аспекты, мировоззрение. Таким образом, следствием развития революционных процессов в области информации, процесса информатизации становится формирование информационного общества, основой которого является информация. Возникают развитые информационные потребности людей, а на их основе формируется высокая информационная культура. Чем более образован человек в информационном обществе, чем полнее и целенаправленнее он обеспечивает себя информацией, тем адекватнее будет формируемый им образ реального мира, и тем лучше он сможет вписываться в окружающий мир. Это позволит ему максимально полно раскрыть свой материальный и духовный потенциал. Раньше главной движущей силой экономического роста был, говоря словами классика экономики А.Смита, «экономический человек». Он понимался только как производитель материальных благ, ориентированный на удовлетворение минимальных физиологических потребностей. Но по мере развития экономики общество начинает предъявлять новые требования к главному производителю материальных благ, а человек, в свою очередь тоже начинает предъявлять свои требования к обществу, которое использует его. Развитие экономики на инновационной основе требует не рабочих рук, не земли, не капитала как основных условий организации производства. Современной экономике нужны знания, интеллект человека. В современных условиях общество отказывается от модели «экономического человека». Сегодня возникает модель нового человека – «человека знания». Но для того, чтобы сформировать такого человека общество должно удовлетворить его потребности не только в пище, одежде, жилье, но и потребности в самореализации, самовыражении. «Человек знания» становится главным ресурсом информационной экономики. Происходят изменения в структуре экономики: сокращается сельскохозяйственный и промышленный сектор, а увеличивается третичный сектор – сектор производства благ и услуг. К этому сектору относят образование, здравоохранение, культуру, социальное обеспечение и многие другие сферы жизнедеятельности общества, направленные на удовлетворение высших потребностей человека. Появляются признаки, говорящие о переориентации стратегии развития: приоритеты начинают отдаваться не экономическому потенциалу, а потенциалу личности, потенциалу интеллекта, образования. Интеллектуальный капитал, воплощенный в знаниях, интеллекте, творческих способностях становится решающим фактором общественного развития. У истоков изучения такого нового явления в жизни общества как «интеллектуальный капитал» стояли Л. Эдвинссон и М. Молоун. С их точки зрения интеллектуальный капитал становится движущей силой развития постиндустриального, информационного общества, мерой стоимости товара, оценкой состояния организации и управления предприятиями, есть единство человеческого и структурного капитала.

С именем американского президента Дж. Кеннеди связано введение в политический лексикон термина «человек знаний», а затем в 1964 г. этот термин использовал и другой их президент Л. Джонсон, который